

Татьяна Барышникова, Ивета Народовска

Роман Ф.М. Достоевского «Идиот» в латышских переводах

Статья посвящена обзору латышских переводов романа Ф.М. Достоевского «Идиот». Авторы статьи рассматривают и в сравнительном аспекте анализируют три перевода романа Достоевского – выполненные А. Межсетом (1926), З. Мауриной (1936–1938) и Я. Меденисом (1961). При сравнительном анализе уделяется внимание стратегиям и проблемам художественного перевода (сокращение текста; лексические и фразеологические единицы, не имеющие полного эквивалента в латышском языке и др.). В статье даны краткие биографические справки о переводчиках, а также представлены сведения об издательствах, опубликовавших роман «Идиот» в латышском переводе.

Ключевые слова: русско-латышские литературные связи, рецепция, художественный перевод, стратегии перевода, Ф.М. Достоевский

Роман «Идиот» является одним из часто издаваемых на латышском языке произведений Ф.М. Достоевского. С 1929 по 2015 год роман публиковался семь раз – дважды в составе собраний сочинений и пять раз выходил отдельным изданием. За это время текст романа переводился трижды, что объясняется различными причинами, в том числе внелитературного характера.

Впервые на латышском языке «Идиот» вышел в 1929 году в издательстве *Grāmatu Draugs*. Издательство было основано в 1926 году, работало в Риге вплоть до 1944 года, а затем продолжило свою деятельность в Германии и США. Целью издательства было сделать книги доступными для широкого круга читателей. Для этого использовалась особая система распространения – книги не продавались в магазинах, а непосредственно доставлялись заказчику: в Риге и Лиепаве на дом, в другие регионах Латвии – по почте. За упаковку и доставку книг нужно было платить только один лат. Издатели стремились удовлетворить запросы разных групп читателей. Выпускались не только книги латышских авторов, но также классические и современные произведения зарубежной литературы, детская литература, криминальные романы, описания путешествий, научно-популярные и энциклопедические справочники по истории, зоологии, географии, медицине, истории музыки и искусства. Роман «Идиот» был опубликован в шестьдесят девятом томе серии *Vērtīgo grāmatu virkne*. На латышский язык роман перевёл писатель и книгоиздатель Аугустс Межсетс (1890–1977), работавший в издательстве *Grāmatu Draugs* как корректор и переводчик. А. Межсетс уже обращался к

творчеству Ф.М. Достоевского: в 1927 году он перевёл «Записки из мёртвого дома» для издательства *Raņķis*. Очевидно, что, работая над переводом романа «Идиот», А. Межсетс учитывал тип издания, ориентированного на массового читателя, возможно, впервые открывавшего для себя творчество русского писателя. Этим объясняется дополнение концептуального названия номинативным, при этом авторское название приведено в скобках – *Kņazs Mišķins (Idiots)*. Текст романа подвергается значительным сокращениям: он занимает всего девять страниц небольшого формата.

В 1930-ых годах издательство *Grāmatu Draugs* начало выпуск многотомных изданий. Выходят собрания сочинений К. Гамсуна, В. Плудониса и других скандинавских и латышских авторов, а в 1936–1938 годах – собрание сочинений Ф.М. Достоевского в шестнадцати томах. Роман «Идиот» помещён в одиннадцатом и в двенадцатом томе. Поскольку такого рода издание предполагало публикацию полного текста оригинала, был выполнен новый перевод, однако установить имя переводчика оказалось непросто, так как в библиографических описаниях оно не указано. При работе с изданием выяснилось, что имя переводчика тщательно зачёркнуто карандашом, лишь на оборотной стороне титульного листа от руки мелким почерком сделана приписка: *No krievu valodas tulkoja Zenta Mauriņa*. Это объяснило отсутствие сведений о переводчике: имя Зенты Маурини (1898–1978), известной латышской писательницы и филолога, оказавшейся после 1944 года в эмиграции, преподававшей в университетах Германии, Швеции, Швейцарии и Италии и получившей множество почётных наград, в Советской Латвии упоминать было запрещено. Обращение к творчеству Ф.М. Достоевского не было для Зенты Маурини случайностью. Она является автором неоднократно изданной монографии *Dostojevskis, viņa personība, mūžs un pasaules uzskats*. Третье издание этой книги вышло также в издательстве *Grāmatu Draugs* в 1936 году.

Несмотря на то, что перевод З. Маурини достаточно близок к оригиналу, в советское время он не мог использоваться по идеологическим причинам, поэтому для издания, подготовленного Латвийским государственным издательством в 1961 году, был выполнен новый перевод. Его автор – латышский поэт и переводчик Янис Меденис (1903–1961). Как и З. Мауриня, после прихода Советской армии в 1944 году, он намеревался эмигрировать вместе с семьёй, но задержался в Курземе и в 1946 году был арестован, обвинён в антисоветской деятельности и осуждён на десять лет. Срок отбывал в лагерях Норильска, Иркутска и в Астрахани. В 1955 году после амнистии вернулся в Латвию. Стихотворения Я. Медениса либо не печатались, либо подвергались цензуре, потому он занимался переводами. Переводил произведения М.Ю. Лермонтова, А.И. Куприна, а также Ф.М. Достоевского. Кроме романа «Идиот» им были переведены «Братья Карамазовы» и «Униженные и оскорбленные». Перевод романа «Идиот», выполненный Янисом Меденисом, максимально приближенный к оригиналу, считается классическим и воспроизводится во всех последующих изданиях, в

частности в собрании сочинений Ф.М. Достоевского, выходявшем в издательстве *Liesma* с 1973 по 1978 год, а также в последнем издании 2015 года.

Судя по биографическим данным, все переводчики достаточно хорошо владели русским языком, что позволило им довольно точно передать текст оригинала. Однако в некоторых случаях, перевод вызвал значительные затруднения. Учитывая объём статьи, мы ограничились сопоставлением переводов пяти первых глав первой части романа, однако выявленные примеры представляются весьма показательными.

Наибольшие трудности вызывает перевод лексических и фразеологических единиц, не имеющих полного эквивалента в латышском языке. Прежде всего, это относится к переводу слова *юродивый*, которое является ключевым в романе, так как неоднократно используется как средство номинации главного героя – князя Мышкина. Как известно, юродство в русской культуре и в русском языковом сознании осмысляется как одно из проявлений святости, Юродивый – человек, отвергший все мирские ценности и ведущий аскетический образ жизни, обладающий мудростью, которая не сразу осознаётся окружающими и воспринимается как безумие, нарушение общепринятых норм поведения (Панченко 1999: 392–407). В латышской культуре феномен юродства не был распространён, поэтому соответствующий лексический эквивалент в латышском языке отсутствует. Переводчики пытаются найти соответствующую замену: А. Межсетс и З. Мауриня вместо слова *юродивый* используют *plānprātiņš*¹ (Dostojevskis 1929: 15; Dostojevskis 1936–1938: 18), Я. Меденис – *vientiesītis*² (Dostojevskis 1975: 17), что ближе к значению данного слова в оригинале. Однако добиться полной эквивалентности ни одному из переводчиков не удаётся, так как утрачивается семантический признак «святость», что приводит к потере значимой эстетической информации, так как снимается амбивалентность образа главного героя.

Также трудности возникают при переводе слов, обозначающих определённые реалии материальной и духовной сферы русской культуры, которые могут быть не знакомы латышскому читателю. Каждый из переводчиков выбирает для их передачи различные стратегии. Например, конструкцию Четъи-Минеи читает (Достоевский 1973: 10). А Межсетс вовсе опускает, чтобы не усложнять восприятие текста романа латышскому читателю, возможно, не знакомому с традиционной православной культурой. Другие переводчики используют лексемы с более общим значением: З. Мауриня переводит данную конструкцию как *svētos rakstus lasa*³ (Dostojevskis 1936–1938: 13), а Я. Меденис – как *svēto grāmatu lasa*⁴ (Dostojevskis 1975: 13). Несмотря на то, что оба перевода не совсем точны, такая замена представляется

¹ Дурачок, слабоумный.

² Наивный, доверчивый человек, простачок.

³ Святое писание читает.

⁴ Святую книгу читает.

оправданной с точки зрения прагматики перевода и не искажает смысл оригинала. Слово тулуп сохранено во всех переводах, но передаётся по-разному. А. Межсетс стремится подчеркнуть национальный колорит и переводит в тулупе как *krievu kažokā*⁵ (Dostojevskis 1929: 10), З. Мауриня использует уменьшительную форму *puskažociņā*⁶ (Dostojevskis 1936–1938: 13), а Янис Меденис – стилистически нейтральное и наиболее точное *kažokā*⁷ (Dostojevskis 1975: 13).

Одна из сложных проблем при любом переводе – передача фразеологизмов, имеющих в оригинальном тексте. Анализ переводов показал, что переводчикам не всегда удаётся найти верное решение. Так при переводе фразеологизма языком колотить Я. Меденису удалось найти близкие соответствия во фразеологии латышского языка *mēli trīt* (Dostojevskis 1975: 13). З. Мауриня использует сочетание *kustināt mēli* (Dostojevskis 1936–1938: 13), **не совсем точно передающее исходное значение**. А. Межсетс заменяет фразеологизм глаголом *rapļāpāt*⁸ (Dostojevskis 1929: 11), что не позволяет переводчику сохранить экспрессию подлинника. При переводе фразеологизм не тебе чета ни одному из переводчиков не удалось найти эквивалентную замену:

«Это, говорит, **не тебе чета**, это, говорит, княгиня, а зовут ее Настасьей Филипповной, фамилией Барашкова» (Достоевский 1973: 11).

Tā, viņš saka, nav tavam zobam (Dostojevskis 1929: 12).

Tā, saka, tev neder, tā, saka, ir kņaziene, un viņu sauc Nastasja Fiļipovna, uzvārds – Baraškova (Dostojevskis 1936–1938: 15).

Šī, viņš saka, neesot man piemērota, viņa esot kņaziene, un saucot viņu par Nastasju Fiļipovnu, uzvārdā par Baraškovu (Dostojevskis 1975: 15).

З. Мауриня вместо данного фразеологизма использует глагол *neder*⁹, Я. Меденис – **конструкцию** *neesot man piemērota*¹⁰, а А. Межсетс использует при переводе фразеологизм *nav tavam zobam*¹¹, в результате значение исходного фразеологизма передано неточно. Иногда имеющийся в оригинале фразеологизм не известен переводчикам, что приводит к курьёзным ошибкам. При переводе фразеологизма кондрашка пришиб, только Я. Меденис

⁵ В русской шубе.

⁶ В полшубке.

⁷ В шубе, в тулупе.

⁸ Поболтать.

⁹ Не годится.

¹⁰ Не мне предназначена.

¹¹ Не по твоим зубам.

использовал латышский аналог *trieka piebeigusi*¹², отличающийся лишь нейтральной стилистической окраской:

«<...> с одним узелком от родителя во Псков убог, к тетке; да в горячке там и слег, а он без меня и помре. **Кондрашка пришиб**» (Достоевский 1973: 10).

<...> *ar sainīti vien no tēva uz Pleskavu aizbēgu, pie krustmātes; ar drudzi tur nolikos gultā, bet viņš bez manis ņēmis un nomiris. **Trieka piebeigusi*** (Dostojevskis 1975: 12).

З. Мауриня, вероятно, не сумев найти соответствия в латышском языке, данный фразеологизм опускает, передаётся лишь информация о произошедшем событии – смерти отца Рогожина:

<...> *ar vienu sainīti no sava tēva uz Pskovu aizbēgu, pie krustmātes, tur drudzis mani pārvarēja, bet viņš – bez manis nomira* (Dostojevskis 1936–1938: 13).

А. Межсетс, которому, данный фразеологизм, судя по переводу, не был известен, переводит его буквально, что приводит к неверной интерпретации всего предложения: Рогожина побил некий Кондрашка, после чего Рогожин пролежал в жару несколько дней:

<...> *aizbēgu no tēva uz Pleskavu pie krustmātes; tur saslimu ar karstuma guļu, bet tēvs nomira bez manas klātbūtnes. **Kondraška mani piekāva*** (Dostojevskis 1929: 10).

Если говорить о переводах в целом, то самым точным и близким к оригиналу, безусловно, является перевод Я. Медениса. Имеются лишь незначительные расхождения, обусловленные языковыми различиями или особенностями употребления того или иного слова в латышском языке, например, Я. Меденис, как и другие переводчики, переводит слово *tētkā* как *krēstnācība* мать. Такая замена типична для латышского языка, так как слова *tante* и *krustmāte* часто используются как синонимы. Однако во всём рассмотренном фрагменте перевода прослеживается установка неукоснительно следовать тексту романа. Этого же принципа в основном придерживается также З. Мауриня. Примечательно, что в её переводе встречаются случаи двух вариантов перевода одного и того же топонима – Псков переводится то как *Pleskava*, то как *Pskovs*, что, вероятно отражает колебания в разговорной речи жителей Латвии того времени.

Что касается перевода А. Межсетса, то, как уже отмечалось, главной целью переводчика была адаптация текста романа для массового читателя, поэтому текст оригинала подвергается существенным сокращениям. В большинстве случаев эти сокращения прагматически оправданы. В

¹² Паралич разбил.

частности, из описаний были исключены топографические подробности, которые могли быть неизвестны латышскому читателю, и некоторые второстепенные детали. В результате развёрнутое описание сокращалось до одного предложения, содержащего лишь фактическую информацию, как, например, в данном фрагменте:

«Скоро шумная ватага удалилась по направлению к Вознесенскому проспекту. Князю надо было повернуть к Литейной. Было сыро и мокро; князь расспросил прохожих, – до конца предстоявшего ему пути выходило версты три, и он решился взять извозчика» (Достоевский 1973: 14).

Līdz kņaza ceļa mērķim bija verstes trīs ko iet, un viņš nolēma nobraukt turp važonī (Dostojevskis 1929: 15).

З. Маурияня и Я. Меденис при переводе этого фрагмента строго следуют оригиналу. А. Межсетс, напротив, сокращает не только описания, но и характеристики действующих лиц. Например, опускаются имена и другие сведения о второстепенных персонажах, которые, по мнению переводчика, не играют важной роли в развитии сюжета. Так отсутствует упоминание о матери и сестре Гани, сообщается лишь, что Настасья Филипповна слышала много хорошего о его семье. Сокращена характеристика самого Гани: *viņš esot enerģisks cilvēks, lepns karjerists*¹³ (Dostojevskis 1929: 42–43), что вносит немотивированные изменения в трактовку героя, акцентируя его негативные черты:

«Она слышала, что он человек с энергией, с гордостью, хочет карьеры, хочет пробиться. Слышала тоже, что Нина Александровна Иволгина, мать Гаврилы Ардалионовича, превосходная и в высшей степени уважаемая женщина; что сестра его, Варвара Ардалионовна, очень замечательная и энергичная девушка; она много слышала о ней от Птицына» (Достоевский 1973: 42).

Viņa esot dzirdējusi, ka viņš esot enerģisks cilvēks, lepns karjerists. Arī par viņa ģimeni esot dzirdējusi vislabāko, to visu viņai esot Ptjicins stāstījis (Dostojevskis 1929: 42–43).

В отличие от других переводов, в переводе А. Межсетса не упоминается почётное звание отца Рогожина, причём имя Семён на латышском языке передано неверно:

«<...> это того самого Семена Парфеновича Рогожина, потомственного почетного гражданина, что с месяц назад тому помре и два с половиной миллиона капитала оставил?» (Достоевский 1973: 9).

¹³ Он, говорят, энергичный человек, гордый карьерист.

Vai tā paša Simaņa Parfenoviča Rogožina, kas pirms mēneša nomira un pustrēša miljona kapitāla atstāja (Dostojevskis 1929: 10).

При переводе фрагментов, характеризующих князя Мышкина, А. Межсетс следует оригиналу, дословно передаёт описание внешности, без сокращений воспроизводит объёмные монологи, поэтому у читателя создаётся полное и в целом адекватное представление о главном герое. Но в отношении других персонажей этот принцип не соблюдается, что приводит к существенной трансформации образов романа, как это происходит, например, с образом Настасьи Филипповны. Переводчик значительно сократил описание портрета Настасьи Филипповны, выполняющее важную сюжетную функцию, так как оно знакомит читателя с главной героиней ещё до её появления, раскрывает сложность и противоречивость её характера:

«На портрете была изображена действительно необыкновенной красоты женщина. Она была сфотографирована в черном шелковом платье, чрезвычайно простого и изящного фасона; волосы, по-видимому, темно-русые, были убраны просто, по-домашнему; глаза темные, глубокие, лоб задумчивый; выражение лица страстное и как бы высокомерное. Она была несколько худа лицом, может быть, и бледна» (Достоевский 1973: 27).

В переводе сохранена лишь начальная часть описания: *Portrejā patiesi bija saskatāma ārkārtīgi skaista sieviete* (Dostojevskis 1929: 30), в результате чего Настасья Филипповна предстаёт перед читателем как необыкновенно красивая женщина, страстность, надломленность, высокомерие и в то же время незащитность – все эти черты в переводе не упомянуты. Значительно сокращается описание приезда Анастасии Филипповны к Тоцкому, когда она узнаёт о его возможной женитьбе. В тексте перевода отсутствует фрагмент, передающий размышления Тоцкого:

«Он припоминал, впрочем, и прежде мгновения, когда иногда странные мысли приходили ему при взгляде, например, на эти глаза: как бы предчувствовался в них какой-то глубокий и таинственный мрак. Этот взгляд глядел – точно задавал загадку. В последние два года он часто удивлялся изменению цвета лица Настасьи Филипповны: она становилась ужасно бледна и – странно – даже хорошеда от этого. Тоцкий, который, как все погулявшие на своем веку джентльмены, с презрением смотрел вначале, как дешево досталась ему эта нежившая душа, в последнее время несколько усумнился в своем взгляде. Во всяком случае, у него положено было еще прошлой весной, в скором времени, отлично и с достатком выдать Настасью Филипповну замуж за какого-нибудь благоразумного и порядочного господина, служащего в другой губернии. (О, как ужасно и как зло смеялась над этим теперь Настасья Филипповна!)» (Достоевский 1973: 38).

В результате столь значительных сокращений у читателя нет возможности понять мотивировку поведение главной героини. В данном случае выбор стратегии перевода обусловлен не только типом издания, но и личной интерпретацией переводчика, влияющей на трактовку персонажей.

Литература

- Достоевский, Ф. (1973). Идиот. В: *Полное собрание сочинений в тридцати томах*. Том 8. Ленинград. 510 с.
- Панченко, А. (1999). Юродивые на Руси. В: *Русская история и культура: Работы разных лет*. Санкт-Петербург: Юна. С. 392–407.
- Dostojevskis, F. (1929). *Kņazs Miškins (Idiots)*: romāns 4 daļās / tulkojis Augusts Mežsēts. Rīga: Grāmatu Draugs. 242 lpp.
- Dostojevskis, F. (1936–1938). Idiots. No: *Kopotī raksti*. 11.–12. sēj. / tulkots no krievu valodas. Rīga: Grāmatu draugs.
- Dostojevskis, F. (1961). *Idiots*: romāns 4 daļās. / tulkojis J. Medenis. Rīga: Latvijas Valsts izdevniecība. 711 lpp.
- Dostojevskis, F. (1966–1967). *Idiots*: romāns 2 grāmatās. Mineapole: Tilts.
- Dostojevskis, F. (1975). Idiots. No: *Kopotī raksti*. 6. sēj. / no krievu valodas tulkojis J. Medenis. Rīga: Liesma. 662 lpp.
- Dostojevskis, F. (1999). *Idiots*: romāns / no krievu valodas tulkojis Jānis Medenis. Rīga: Jumava. 711 lpp.
- Dostojevskis, F. (2015). *Idiots* / no krievu valodas tulkojis Jānis Medenis. Rīga: Zvaigzne ABC. 718 lpp.

F. Dostojevskā "Idiots" latviešu tulkojumos

Rakstā aplūkoti Fjodora Dostojevskā romāna "Idiots" tulkojumi latviešu valodā. Raksta autores salīdzinošā aspektā analizē trīs F. Dostojevskā romāna tulkojumus: Augusta Mežsēta 1929. gada tulkojumu, Zentas Mauriņas 1936.–1938. gada tulkojumu un Jāņa Medeņa 1961. gadā publicēto tulkojumu. Īpaša uzmanība veltīta literārā tulkojuma stratēģijām un problēmām. Autores sniedz īsu biogrāfisku uzziņu par katru tulkotāju, kā arī ziņas par izdevniecībām, kas publicējušas romānu "Idiots" latviešu tulkojumā.

Latvian translations of F. Dostoyevsky's "Idiot"

The article discusses the translations of Fyodor Dostoyevsky's novel "Idiot" into Latvian language and holds a comparative analysis of three translations performed by Augusts Mežsēts (1929), Zenta Mauriņa (1936–1938) and Janis Medenis (1961). The analysis focuses on the major challenges and strategies of literary translation. The research is introduced by a brief biographical entry on each of the translators as well as some information on the publishing houses that have published the Latvian translations of "Idiot".